

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ
НОВОЙ КНИГИ:

Жоржи АМАДУ

ФАНТАЗИЯ ЗЕМЛИ И ДУХА

ЖОРЖИ АМАДУ — писатель счастливой судьбы. Не в том, разумеется, смысле, что жизненный и творческий путь его был без бурь и потерь или что действительность воспринималась им в неизменной радужности. Счастье Амаду — в изначальной, естественной слитности мира, который его создал, и мира, который он сотворил в своих романах. И об этом миром он остался верен до конца. Цельность — это отнюдь не то качество, которое дается само собой: эта цельность добывалась писателем в труде, поисках, борьбе.

Он был смел и дерзок в детстве, когда самовольно, без спутника и денег, отправился в дальнее путешествие, исколесив весь штат Бая. Он был пылок в молодости, когда кинулся в водоворот литературной, общественной жизни. Один из ярких деятелей Компартии Бразилии, он представлял ее в парламенте, пока в 1947 году она не была объявлена вне закона. Жоржи Амаду многое видел и извещал — изгнание и признание, вигиранье и проигранные битвы, любовь и ненависть. Он жил и жила жадно, упоенно, излучая сердечную энергию, окруженный людьми, общение с которыми стало его первой жизненной необходимостью.

Амаду был счастлив и тем, что ему не пришлось тратить силы, чтобы быть понятым и оцененным. Даже самый первый его роман, написанный в девятнадцать лет, обратил на себя сочувственное внимание солидных критиков. А когда через несколько лет появился роман «Жубиба», то это стало буквально триумфом. «Худой байанец с китайским разрезом глаз, убежавший из дома и жадно окунавшийся в гущу жизни, полон любви к угнетенным и обожженным. В свои двадцать три года он стал одним из крупнейших романистов Бразилии» — такими восторженными словами приветствовал молодого Амаду его старший брат по перу Эрику Верисиму. «Жубиба» открывал первый цикл «Повестей Бая», в котором зачинался художественный мир Амаду.

Бая, где семьдесят лет назад родился Жоржи Амаду, — это и колыбель самой Бразилии. Кусок земли, омываемый атлантическими волнами, куда в XVI веке приплыли португальские завоеватели и куда они затем привезли африканских рабов. Бая — это тигель, в котором в течение веков плавилась бразильская нация. Именно здесь началось смешение рас и культур, составляющее суть этой нации. Здесь рождалась причудливая смесь из христианских и языческих обрядов и религиозных ритуалов. Африканское начало наложило глубокую печать на всю жизнь и культуру Бая — ее фольклор, кухню, музыку, празднества.

Но Бая — не только сокровищница народного искусства; земля, где родятся ценнейшие плоды какао, стала в XX веке ареной жесточайших схваток за ее обладание и не менее жестокой эксплуатации батраков. Земля ссорилась от насилия, но байанский народный характер не был сломлен, не иссякла в нем родничок творчества. С самых ранних лет — будущий писатель — насквозь пропитался воздухом этой жизни, все драматические перипетии которой пережила его родная семья. И он навсегда оказался к ней привязанным. Немало лет он провёл вдали от Бая, писал книги и на иные сюжеты, но любовь к малой своей родине пронес через всю жизнь. «Я, сенhora, — писал Амаду одной из своих читательниц, — уже буду всемирно известным писателем, — являюсь не чем иным, как рассказчиком историй этой земли, сыном этих людей».

Уже в первых произведениях раннего байанского цикла отчетливо проявилась характернейшая особенность амадуовской прозы: естественное соединение трезвого реализма и фольклорной поэтичности, бытовая достоверность и открытой фантазии. В самой окружающей писателя жизни черпал он этот удивительный сплав. Он бесстрашно подмечал жестокость социальных нравов и чутко, любовно улавливал биение пульса народной души с ее непреодолимой тягой к свободному самовыражению.

В 40-е годы Амаду написал диалог, посвященный истории колонизации края какао: «Бескрайняя земля и «Город Ильейус». Здесь меньше фольклорности, сказочности, но неизменно присущие Амаду лиризм, нежность к героям, которые олицетворяют для него

вольноелюбие байанского народа. Со второго романа диалог — он вышел под заглавием «Земля золотых плодов» в 1948 году — началось знакомство советского читателя с прозой Амаду. Подобно тропическому шквалу, обрушилась на нас тогда неведомая жизнь далекой страны Нового Света, и бурь и страстей которой буквально захватывало дух. С тех пор выросло второе поколение читателей, а Жоржи Амаду остался одним из самых читаемых и популярных зарубежных писателей в нашей стране.

КОНЕЦ 40-х — начало 50-х годов он провел в эмиграции, в Европе. В ту пору Жоржи был частым гостем Москвы, здесь у него появилось много друзей — Фадеев, Эренбург, Хикмет. Амаду смолodu жил в мире больших событий, и в эти годы он отдавал свою энергию движению сторонников мира, за что и был удостоен международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Горючо воспринял он и общеисторические сдвиги, совершавшиеся в мире в середине 50-х годов.

Как и многие другие зарубежные писатели, Амаду пережил в ту пору духовный кризис, о последствиях которого его друг Пабло Неруда в своих «Воспоминаниях» писал: «Некоторые из нас, преодолев душевную смуту, почувствовали, что рождаются заново». Именно это и произошло с Амаду, который, как далее пишет Неруда, «принялся писать свои лучшие вещи, начав с «Габриэлы», блистательного романа, в котором льется через край чувственность и радость бытия».

Рождение заново не означало для Амаду ни слома, ни смены ориентиров; к нему пришла пора умудренности, зрелости, мастерства. Он не только не ушел от родной ему с детства действительности, но с еще большей настойчивостью и новым вдохновением раскапывал ее глубинные пласты, добывая до самых корней народного сознания. Новизна второго байанского цикла не отменяла художественной системы первого, она как бы выстраивалась на ее фундаменте. По-прежнему здесь соседствуют реальное и сказочное, да и любимые его герои — байанские бедняки, как будто те же самые, но только теперь они обнаруживают себя во всей широте своей души. Так, в новом ракурсе начала вырисовываться перед нами жизнь Бая. Теперь в центре оказывается самобытность национального байанского характера, духовного бытия народа, в которой писатель увидел мощную силу, ведущую неустанныю борьбу против эгоизма и ханжества буржуазного мира. В новых байанских повестях отчетливо складывается эта общая сквозная линия — непримиримая враждебность ценностей народной жизни и буржуазной морали. Стихия вольнолюбия, воображения, мечты — вот что взрывает опустошающую расчетливость, бескрылость мещанского существования.

Первой объявляет бунт красавица мулатка, героиня романа «Габриэла». Кухарка, вознесенная в ранг супруги почтенного торговца, она спокойно отказывается от мнимого благополучия, оказавшегося несовместимым с вольнолюбием и бескорыстием ее натуры. Не желает мириться с благочестивым ритуалом похорон и героиня повести «Кинкас Сгинь Вода». Бродяга из рыбацкого поселка, он удирает из гроба, чтобы напоследок побораничить с таинскими же, как и он, веселыми гуляками. Писатель неистовым на выдумку самым что ни на есть фантастическим и смешным ситуациям, страницей его книг буквально сочатся искрометным юмором — это качество теперь становится характерным для прозы Амаду.

Взрывом небывалого читательского энтузиазма были встречены новые байанские повести Амаду. Волна успеха вознесла его в почетное кресло члена Бразильской академии литературы. Было нечто ошеломляющее в том, что певец байанского племса, некогда отчаянный ниспровергатель академических традиций, оказался в кругу «бессмертных» акадeмиков. Ситуация под стать счастливому сказочному сюжету самого Амаду. Почти одновременно у Бразилии появились тогда две знаменитости, прославившиеся на весь мир: Пеле и Амаду.

Неистовый на воображение, на фантастические выдумки, жизнелюбивый Жоржи Амаду — большой труженик, неустанно открывающий читателям сокровенные черты на-

К 70-летию ПИСАТЕЛЯ

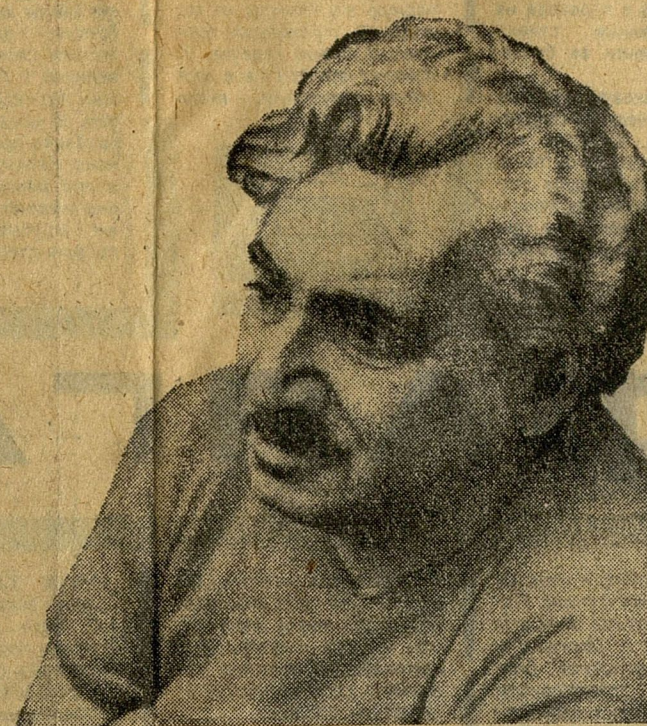
циональной жизни. Кое-что от себя он отдал герою романа «Лавка чудес» Педро Арканжо. Талантливый самородок, непревзойденный знаток жизни Бая, неисправимый гуляка, Арканжо оставил после себя ценнейшие исследования исторических, культурных и традиций. И не тому ли посвятил свою собственную жизнь Жоржи Амаду? Творчество его — это монумент бразильской самобытности. И привлекает оно не только своей живописностью, неподдельной достоверностью, а и тем, что расширяет читательские представления о богатстве и разнообразии человеческих ценностей. Как проницательно отчитала ученый-литературовед Инна Тертерян, образ бразильской самобытности, созданный Амаду, «существенно дополняет духовную жизнь тех стран, где утончение и напряжение интеллектуальных сил общества приводит к отрыву, к истощению естественной связи с телесной природой человека, к разрушению гармонии. Искусство становится мудрым напоминанием о том, какое безграничное богатство лежит за пределами негармоничной социальной повседневности». Этими словами, как кажется, наиболее точно и лаконично определяется вклад Жоржи Амаду в мировую литературу.

ТРИДЦАТЬ лет назад мне довелось впервые увидеть Жоржи Амаду в Москве, и с тех пор его творчество и он сам прочно вошли в мою жизнь. И если выбирать сейчас одно из многих воспоминаний о нем, то прежде всего приходит на память давняя беседа в гостинице «Москва», когда, приехав в начале 50-х годов после очередного заседания Всемирного Совета Мира, он неожиданно заговорил со мной о Бая. Уютно усевшись в кресло и отхлебывая чай, он начал рассказывать о территории негритянского религиозного общества, о том, что он — почетный иерарх в нем, а еще стал объяснять характер макумбы. Отчетливо запомнился тот острый приступ ностальгии, упоенный рассказ о родной земле, связь с которой Амаду ощущал почти физически, даже находясь на другом континенте. Передо мной сидел выдающийся деятель международного движения за мир и в то же время — ога, старейшина территории Оло Афонжа. Сейчас, десятилетия спустя, мне еще яснее видится в том давнем эпизоде проявление самой глубокой сущности патриарха бразильской литературы.

Вот уже много лет, как Амаду окончательно обосновался в столице родного штата — Салвадоре. Его дом в квартале Рио Вермелью, на улице Алагоньяс, — достопримечательность города, под стать знаменитому собору в стиле барокко. Жоржи и неразлучную с ним Зелину здесь знают все, и он знает здесь всех. Да и как ему не знать тех, кого он вывел из шумной суматохи байанской жизни на страницы своих книг и перед кем просил открыть двери торжественного заседания, на котором совершалось его посвящение в члены Бразильской академии литературы. «Это добрые люди, господа члены академии, и присоединяясь вместе с ними, с этими славными байанцами, к нашему блистательному собранию, и приношу благодарность за голоса, которые вы отдали мне, хочу поблагодарить и их за того писателя, которого они создали и привели сюда. Ибо они — мой народ, и в них — моя со страстью прожитая жизнь».

Романы Амаду существуют на тридцати с лишним языках, по ним сделаны десятки кинофильмов, театральные, телевизионные постановки. В библиографическом указателе, опубликованном в Сан-Паулу в связи с сорокалетием творчества писателя, особо был отмечен тот факт, что в СССР его книги вышли на многих языках: русском, армянском, литовском, украинском, грузинском... К семидесятилетию юбилею Амаду издательство «Художественная литература» выпустило двухтомное собрание его сочинений, а издательство «Радуга» готовит к печати его последний роман «Пальмовая ветвь, погон и пеньюар».

Вера КУТЕЩИКОВА
Фото Зелин Амаду, жены писателя

Заговор на фиф-о-клоке

Африано Портела и Лизандро Лейте, подошедшие с разных сторон, встретились у входа в Малый Трианон. Шекастов лицо юриста сияет.

— О том, что Агналдо выдвинул свою кандидатуру на выборы, уже сообщено в газетах и по радио.

Ликующий Лейте называет вселихого полковника запросто, по имени — знай наших! Он не говорит, откуда эти сведения, но Африано без труда догадывается: так же как и он сам, Лизандро времени зря не теряет.

Они вместе входят к президенту. Лейте валится в кресло, Африано торопится увести из кабинета костлявого гуманитария Эвандро, пока тот со свойственной ему откровенностью не успеет высказаться все, что «он думает об этой пухлой подлизе».

— Пойдем-ка, старина, в «Коломбо», выпьем чаю, поскрестичаем на свободе. Подальше от Лизандро, поближе к красивым женщинам! Пусть глаз порадуются!

Усевшись в кондитерской за столик, Эвандро, все еще пребывающий в отравительном настроении, прежде всего, последними словами поносит президента, который «даже не скрывает своего благожелательного отношения к проискам Перейры».

— Благожелательного, ты сказал? И это после пинка, который он вчера получил?

— Какого пинка?

ПАЛЬМОВАЯ ВЕТВЬ, ПОГОН И ПЕНЬЮАР

— Потом, потом... Сейчас расскажи-ка мне поподробнее, тебе говорил Эрманю.

— Говорил, что нужно восстановить традицию, и потому он будет за представителя армии.

— Он имел в виду представителя армии вообще или назвал конкретное имя — полковник Перейра? Агналдо, как теперь говорят, захлебываясь от восторга, Лизандро?

— Вообще.

— Тут есть некоторая разница, куманек. — Африано и Розарина крестили Алваро, сына Эвандро. — Открою тебе страшную тайну: я тоже за представителя армии, — он лукаво улыбнулся.

Время от времени Эвандро раздражает его друг и кум — особенно, когда дело идет о вакансиях в академии. Они всегда подерживают — один и тех же кандидатов, но во время предвыборной борьбы ведут себя совершенно по-разному. Эвандро трубно и гласно воздает хвалу своему протеже, превозносит его достоинства, спорит, доказывает, горячится, а Африано действует тайно, скрытно, незаметно, интригуя в кулуарах академии и считаясь самым опасным противником. Даже сейчас, когда возникла реальная угроза избрания Агналдо Геббельса Перейры (сам полковник печально заявлял, что гордится прозвищем «бразильский Геббельс», прозвищем, которым враги народа думали унижить и оскорбить его), Африано выглядит на удивление невозмутимо. Он вовсе не рассержен — напротив: его как будто забавляет все происходящее, он даже потирает руки от удовольствия. Эвандро нетерпеливо требует:

— Да объясни же наконец, что ты задумал, а то я от ярости совсем поглупел.

— Упоминание имени полковника встречает протест...

— Да о нем слышать не хотят! — Эвандро уже успел кое с кем поговорить.

— Не надо преувеличивать, мой дорогой, останемся реалистами. Разумеется, полковника не любят, некоторые просто терпеть не могут, и немудрено: у него дурная слава. Он готов заподозрить в криволе самого господина бога Иисуса Христа. Родриго мне рассказывал, что на пасху цензура запретила печатать в «Ревиста дос Сабадос» «Нагорную проповедь». Редактор Жил Костелю обратился в ДПП, — он думал, что запрет касается только иллюстраций: они дали модернистский рисунок Портиньяри, — и чуть с ума не сошел, когда выяснилось, что запрет наложен на евангельский текст. Какой-то чиновник для очистки совести сообщил ему, откуда исходит приказ о запрещении — от полковника Перейры. Родриго своими ушами слышал эту историю от самого Жила.

— Кто же станет голосовать за такого негодяя?

— Не обольщайся. Несмотря на все это, он будет избран. Если, конечно, мы с тобой не примем мер. Сморгаться от омерзения, как сказал мне Алкантара, но проголосуют. Лизандро далеко не глуп, и сейчас он не блефует. Едва я услышал о происшествии с Франселино, как тут же помчался к нему. Первое, что я увидел, войдя, была немощных размеров корзина с фруктами: яблоки, груши, виноград и — визитная карточка полковника Перейры с приписанным от руки извинением. Почерк, впрочем, был нашего дорогого Лизандро. — Он снова улыбнулся. — От нас потребуются дьявольская ловкость, Эвандро! Дьявольская! — повторил он уже серьезно. — Нужно отыскать другого кандидата.

— Ну так у нас есть Фелисиано, чего же лучше? Признанный поэт, все его любят — и стар, и млад, К тому же превосходный человек.

— Этого мало, куманек. Нам нужен кандидат, за которого академики не боялись бы проголосовать. Нам нужен кандидат, который гарантировал бы, что полковник Перейра, человек действительно могущественный и в средствах не стесняющийся, не будет мстить. А отомстить он может... Так что о штатском нечего и думать. Надо найти военного, Эвандро, и притом чинном выше Перейры. Он кто — полковник? Значит, нам нужен генерал.

Эвандро, сам человек сугубо штатский и к тому же автор прогрессивнейшей на всю Латинскую Америку книги о пагубном воздействии милитаризма на страны континента, возмущился:

— А-а, теперь и ты заводишь эту песню о поруганной традиции?

— Да не в традиции дело! — Африано стал серьезнее. — Нужно воспрепятствовать тому, чтобы человек, запятнавший себя нацизмом, опозоривший себя пытками политическими заключенных, травлей писателей и журналистов, человек, во всем противоположный нашему Бруно, который и умер-то потому, что не мог вынести всех этих ужасов, занял его место в академии, сидел на заседаниях рядом с нами, стал нашим коллегой...

Минуту стояла тишина. Эвандро раздумывал. Потом он кивнул:

— Да. Ты прав.

— Конечно, прав! За штатского проголосуют четыре-пять человек: ты, да я, да Родриго, да, может быть, еще... — он назвал два имени. — А вот если мы найдем и проталим генерала, если мы как следует побегам и пошевелим мозгами, то вполне можем сорвать банк! Итак, срочно требуется генерал, издавший хотя бы одну книжку, противник нацизма и «Нового государства». Генерал, который сможет выстоять против полковника Перейры. Ты согласен со мной?

— Согласен-то согласен... Но где же взять генерала, который отвечал бы всем этим требованиям? Нет такого генерала.

— Найдем. Ты, друг мой, склонен к преувеличениям. По-моему, кто в мундире, тот, значит, уж и не человек. Среди военных много людей порядочных и честных, настоящих демократов. Может быть, их даже большинство. Ну, а теперь слушай историю — о том, как телохранители полковника... — и он заливается смехом, еще не успев рассказать, в чем же было дело.

Поиски кандидата

и коньяк «Наполеон»

Имя генерала Валдомиро Морейры назвал Родриго Инасио Филью, который был посвящен в замысел академиков и принял самое горячее участие в его осуществлении. Имя генерала было названо в тот самый момент, когда мистре Африано уже почти согласился признать правоту своего друга и кума Эвандро: ему казалось не под силу найти генерала, притом напечатанного хотя бы одну книгу, притом убежденного антинациста, который не опорочил свое имя сделками с «Новым государством» и не побоялся бы вступить в схватку с полковником Перейрой. Антинацист — полно, чуть ли не все подряд; противников диктатуры — значительно меньше, и они предпочитают не высказывать своих убеждений вслух; напечатанная книга имеется у очень немногих, да и те вряд ли решатся испытать на себе могущество и злобный нрав полковника... В кабинете Африано двое друзей попивали коньяк и отбрасывали одну кандидатуру за другой.

— Не спорь, Африано, он автор учебника математики... Не подойдет.

— Этот никогда не осмелится выступить против Перейры.

— Этот подошел бы по всем статьям, будь он не майор, а генерал.

В дверях, посмеиваясь, появился Родриго Инасио Филью, приглашенный принять участие в отборе кандидатов. На лацкане этого самого невинного на свете человека друзья увидели розетку ордена Почетного легиона — она свидетельствовала о том, что ее обладатель решил принять участие в Соперничестве. Академик подошел к аристократической ручке донь Розарины.

— Ваше превосходительство, рядовой необученный Инасио Филью явился по приказанию вашего мужа. Все это, разумеется, абсурд, но Бруно остался бы нам доволен.

— Почему же абсурд? Не абсурдней войны, — отвечал Эвандро.

Дона Розарина налила вновь прибывшему рюмку коньяку и сказала:

— Ну-ка, Родриго, поднажмется, достаньте нам генерала. Вы ведь знаете, каким требованиям он должен отвечать.

Рисунок В. КАЗИНЦЕВА

— Слушаюсь! Предлагается генерал Валдомиро Морейра. — Валдомиро Морейра... Откуда я знаю это имя? — Мистре Африано напряг память. — Ну откуда же?..

Несколько дней назад Родриго получил новую книгу генерала Морейры, автора нескольких обшестных томов. Генерал был человек заметный: имя его было хорошо известно и в военных кругах, и в политических, не говоря уж о литературных, и часто упоминалось в газетах во время избирательной кампании Армандо Салеса, когда кто-то и познакомил Родриго с Морейрой. Дважды или трижды они встречались в обществе. На каком-то банкете они сидели рядом, разговаривали о политике и литературе: генерал хоть и не одобрял нынешних писателей, упрекал их в забвении или незнании норм португальского языка, но зато был настоящим, закаленным в битвах демократом, почему и оказался в отставке. Убедившись в этом, достаточно прочитать его комментарии к ходу военных действий в «Коррею ду Риу», где он называет Гитлера «душевнобольным выродком».

— Он до того прирастен, что, вопреки всякой очевидности, не желает верить в победы нацистов.

— Что ж, остается только узнать, согласится ли он баллотироваться.

Мистре Африано было поручено собрать дополнительные сведения, и через двадцать четыре часа он с ликованием объявил: — Сомнений нет: он наш!

В том же самом кабинете, потягивая все тот же воинственный напиток галлов, он изложил основные вехи жизненного пути генерала: принимал участие в конституционалистской революции, поддерживал Армандо Салеса, уволен в отставку лидерами «Нового государства». Напечатал пять книг: три тома исторических рассказов, лингвистическое исследование и брошюру (раскуплена полностью) о боевых действиях в штате Минас-Жерайс в 1932 году. Честен. Порядочен. Несколько самонадеян и упрям. Не боится ничего.

— Вот это его качество нам сейчас пригодится.

— Ты думаешь, он полезет в драку? — спросил Эвандро.

— Я в этом уверен... мистре Африано окинул заговорщиков веселым и лукавым взглядом. — Бьюсь об заклад, вам не угадать, чего именно добивается сейчас наш генерал, — секундная пауза, глоток коньяку, — он желает выдвинуть свою кандидатуру в Академию Рио-де-Жанейро!

— Быть не может! Ты шутишь!

— Я говорю чистейшую правду. Представь, что с ним будет, когда мы предложим ему место в Бразильской академии. Он с ума сойдет! Кроме того, Сампайо Перейра ничего с ним не сможет поделать: ему и так нагадили во всем, где только можно. Он — наш! Родриго попал в яблочко.

— А книги? — Эвандро, задавая этот вопрос, даже понизил голос. — Книжки-то у него каковы?

Родриго, не щадя себя для общего дела, прочитал последнее творение генерала.

— Очень самодовольно и категорично, но читать можно. Пишет без ошибок, чего вам еще? Грамматика — его божество, Гладко.

— Вот как? Зализанный стиль?

— Зализанный. Конечно, самое место генералу — в Академии Рио-де-Жанейро, но, кроме него, у нас никого нет.

— Нет, — подтвердил мистре Африано. — Остаток дня буду читать его книги: четыре я достал, а Карлос Рибейро припас для меня эту брошюру. От Карлоса-то я и получил эти сведения про генерала.

Он говорил о знаменитом столичном книготорговце, старом букинисте Рибейро. В его лавку на улице Сан-Жозе приходили и греки, и троянцы: академики и модернисты, маститые и начинающие, писатели всех школ, направлений, убеждений и уровней. Лучшее Карлоса никто не знал литературную жизнь.

— Признаться, — мистре Африано улыбнулся широко и доброжелательно, — я купил по два экземпляра каждой книги, чтобы и ты, куманек, мог почитать. Мы должны в совершенстве знать творчество нашего кандидата: ведь придется расхваливать.

Старый Эвандро мигнул наелся:

— Расхвалить-то я расхвалю. На войне не до тонкостей: можно иногда и покривить душой. А вот читать... Пожалуй, ты слышишь многого от меня хошес. Категорично, гладко... Эти штуки мы знаем. Чем меньше такого читаешь, тем лучше угадываешь.

Перевод А. БОГДАНОВСКОГО

* Имеются в виду события 1930—1932 гг. — борьба между буржуазно-помещичьим олигархическим штатом Сан-Паулу и Минас-Жерайс и так называемым либеральным альянсом во главе с Ж. Д. Варгасом. Эта борьба вылилась в буржуазную революцию, подорвавшую господство консервативной аграрной олигархии и закончившуюся победой Варгаса.